Научный поиск: личность, образование, культура. 2022. № 4. С. 58–64.
Scientific search: personality, education, culture. 2022. No. 4. Pp. 58–64.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 81'38
ББК 81.411.2-7
DOI: 10.54348/SciS.2022.4.11

Эрративация как стилистический приём при передаче иностранного акцента в русских текстах

Владимир Вадимович Кочетков[1], Маргарита Евгеньевна Кочеткова[2], Александр Николаевич Соколов[3]
[1,2,3]Ивановский государственный университет, Шуя, Россия
[1] ya-toot@yandex.ru
[2]MKochetkova2011@yandex.ru
[3]adelunga10f@yandex.ru

Аннотация. В статье отображаются актуальные языковые процессы, протекающие в пространстве современной речевой практики. Эти процессы, обусловленные возрастанием роли феномена Непринуждённой Письменной Речи, рассматриваются в рамках функционирования данного явления внутри параметров наивного политического дискурса. Разделение данного дискурса в том числе и в сфере функционирования Непринуждённой Письменной Речи с учётом пуеризации массового языкового сознания привело к весьма неоднозначным результатам. Наиболее выпукло данные языковые трансформации можно наблюдать на активном с первой половины нулевых годов XXI века явлении эрративов. Возникла и активизировалась группа иноязычных по происхождению макаронических эрративов, которые содержат не столько игровую компоненту, как это было с их предшественниками, сколько являются средством проявления речевой агрессии. Поскольку Непринуждённая Письменная Речь является, во многом, интерпретацией Разговорной Речи как системы, фонетические процессы, сопровождающие эту речевую агрессию, в несколько утрированном виде реализуются в ней в своеобразной какографии, которую в современной лингвистике принято называть эрративацией.

Ключевые слова: Кодифицированный Литературный Язык, Непринуждённая Письменная Речь, язык вражды, эрративы, какография, макаронизмы, гласные, согласные, макаронизация, квазиредуцирование, гиперредуцирование, гиперпалатализация, депалатализация, фрикативизация, сонаризация, плозивизация, гиперлабиализация, аффрикатизация, дейотизация.

Для цитирования: Кочетков В.В., Кочеткова М.Е., Соколов А.Н. Эрративация как стилистический приём при передаче иностранного акцента в русских текстах // Научный поиск: личность, образование, культура. 2022. № 4. С. 58–64. https://doi.org/10.54348/SciS.2022.4.11

CULTUROLOGY

Original article

Errativation as a stylistic method of showing a foreign accent in Russian texts

Vladimir V. Kochetkov[1], Margarita E. Kochetkova[2], Alexander N. Sokolov[3]
[1,2,3] Ivanovo State University, Shuya, Russia
[1] ya-toot@yandex.ru
[2]MKochetkova2011@yandex.ru
[3]adelunga10f@yandex.ru

Abstract. The article shows the actual language processes which are taking place in the space of modern speech practice. These processes, caused by the increasing role of the Casual Written Speech phenomenon, are analysedwithin the framework of the functioning of this phenomenon within the pa-

© Кочетков В.В., Кочеткова М.Е., Соколов А.Н., 2022

rameters of naive political discourse. The division of this discourse, including in the sphere of the functioning of Casual Written Speech, taking into account the puerization of mass linguistic consciousness, has led to very ambiguous results. These linguistic transformations can be observed most explicitly in the phenomenon of erratives, which has been active since the first half of the theaughts of the XXI century. There emerged and intensified a group of macaronic erratives of aforeign origin, which contain not so much of a game component, as it was with their predecessors, as they are a means of expressing speech aggression. Since Casual Written Speech is, in many ways, an interpretation of Spoken Speech as a system, the phonetic processes accompanying this verbal aggression are realized in a somewhat exaggerated form in it in a kind of cacography, which in modern linguistics is commonly called erration.

Keywords: Codified Literary Language, Relaxed Written Speech, hate speech, erratives, cacography, macaronisms, vowels, consonants, macaronization, quasi-reduction, hyper-reduction, hyperpalatalization, depalatalization, fricativization, sonarization, plosivization, hyperlabialization, affricatization, deiotization.

For citation: Kochetkov V.V., Kochetkova M.E., Sokolov A.N. Errativation as a stylistic method of showing a foreign accent in Russian texts. *Nauchnyj poisk: lichnost', obrazovanie, kul'tura = Scientific search: personality, education, culture.* 2022. No. 4. Pp. 58–64. (In Russ). https://doi.org/10.54348/SciS.2022.4.11

Актуальность. Первая четверть XXI века ознаменовалась кардинальным изменением в структуре русского (и не только) языка. Постулировавшееся до этого разделение национального языка на две системы, пусть независимые, но взаимопересекающиеся, – Разговорную Речь (РР) и Кодифицированный Литературный Язык (КЛЯ) [Русская разговорная речь…, 1983] ещё более усложнилось. Если классическое понимание Разговорной Речи как отдельной системы подразумевало примат устной реализации этой разновидности национального языка, то появление Интернет-мессенджеров и социальных сетей стало причиной возникновения новой подсистемы – Непринуждённой Письменной Речи в качестве изначально письменной реализации Разговорной Речи. Значительная часть общения современного человека протекает именно в этой сфере национального русского языка. Данная область, являясь относительно новой, практически не имеет преемственности с классической эпистолярной сферой, она по своей грамматической структуре достаточно близка к традиционной Разговорной Речи, но, тем не менее, серьёзно отличается от неё.

Во многом эти отличия обусловлены её изначальной ориентацией на незвуковой характер коммуницирования: восприятие зрительным анализатором, подмену фонетических средств выразительности графическими и т. п.

Одним из графических средств, достаточно традиционных для Непринуждённой Письменной Речи является эрративация – намеренно ошибочное написание слов, рассчитанное на некие стилистические эффекты: от передачи фонетики средствами графики до выражения оценки автором высказываемых им тезисов [Кочетков, 2020; Кочетков, 2014].

В своём функционировании в рамках реализации системы Непринуждённой Письменной Речи эрративы иногда оказываются близки макаронизмам [Бушев, 2009] – смешению единиц разных языков, своеобразной интерлингвистической контаминации, но не равны им. Если классические макаронические тексты имеют целью создание однозначно комического образа носителя такого языка, то эрратическая макаронизация во многом близка такому языковому явлению, которое определяется не совсем точным, но, тем не менее, распространённым оруэлловским терминоидом «хейтспич» или «язык вражды» [Евстафьева, 2009]. Таким образом, они являются попыткой вербализации негативного представления и негативного отношения к носителям иных культур, воспринимаемых носителем языка в рамках имеющейся у него картины мира, как откровенно враждебных. Таким образом, современное бытование эрративов эволюционировало от чисто игрового языка «падонкафф» середины нулевых к выполнению ими функции передачи языка, свойственного группе, воспринимаемой как враги. Намеренно ошибочные написания начали выполнять в Непринуждённой Письменной Речи, в определённой мере, ту функцию, которая до этого была зарезервирована за этнофолизмами – фунцию индикации «чужого», воспринимаемого однозначно негативно в рамках бинарной оппозиции [Грищенко, 2006].

Эрративные образования стали своеобразным средством для передачи речи врага, речи искажённой иноязычным акцентом, речи чужака с явно негативной коннотацией. Во многом это коррелируется с таким явлением детской языковой агрессии как передразнивание чужой речи с привнесением в неё отсутствующих в исходном тексте дефектов, таких как сигматизм, ротацизм, ламбдацизм и т. п. Аналогия

такому бытованию эрративов, находимая в детской речи, во многом коррелирует с пуерификацией – культивации нарочитой детскости и незрелости современной языковой личности, как одной из основных тенденций настоящего этапа языковой эволюции.

Как и у большинства эрративов, сферой бытования данного феномена – эрративного хейтспича, несмотря на уместное полемическое замечание в адрес автора настоящей статьи [Барсегян, 2017] является Интернет. Именно он представляет, с одной стороны, определённую свободу выражения собственной точки зрения, основанную на публичности и анонимности (зачастую мнимой), тем самым снимая фактор этикетной самоцензуры, довлеющий в классической форме публичной коммуникации.

Методы и организация исследования. Основным методом, применяемым в работе, является метод непосредственного наблюдения за употреблением эрративов в различных контекстах политического дискурса Непринуждённой Письменной Речи (контекстуальный анализ). При описании особенностей функционирования исследуемых слов использовался компонентный анализ.

Анализ результатов исследования. В настоящей статье будут рассмотрены некоторые аспекты графической передачи иностранного акцента или иноязычных грамматических особенностей в качестве языка вражды на пространстве современного русскоязычного Интернета.

В области эрратической передачи гласных наиболее активными процессами являются макаронизация, квазиредуцирование и гиперредуцирование, выраженное, прежде всего, в монофтонгизации.

Макаронизация как эрративный процесс в политическом дискурсе подразумевает под собой передачу части гласных в слове средствами иной нежели кириллическая графики. Тем самым создаётся эффект передачи, а по факту уже упоминавшегося передразнивания, иноязычного акцента. Как и во всей эрративации в политическом дискурсе при помощи макаронической эрративации создаётся эффект отторжения точки зрения оппонента за счёт намеренно неправильной передачи его (или приписываемых ему) мыслей.

Макаронизация подобного рода не является отражением каких-либо фонетических процессов реального иностранного языка, а лишь служит отражением негативного отношения автора высказывания к содержанию или к продуцентам сходных по смыслу фраз. Например: *Хіхлі жжутъ!; Наткнулся тут на разбор трех видео, которые показывали хіхлі…; Как понять что хіхіл врёт? - Хіхіл врёт всегда; Азів выпросил ковровую бомбардировку по себе в Азовстали.; ПОТЕРЬ НіТ!; Тількі выиграле*. Как видим, в основном, макаронические эрративы сводятся к замене графемы о графемой і. Данный приём имеет, тем не менее, свои истоки в реальной речевой практике так называемого «суржика», популяризированного на пространстве русскоязычного Интернета в эрративном феномене первой половины десятых годов этого века, так называемой «Азірівке» – пародийной передаче речи бывшего премьер-министра Украины Николая Азарова, который допускал в своей речи подобные, невозможные с точки зрения языка, замены.

Чисто графический характер эрративации *о→і*, не имеющей ничего общего с реальной фонетикой, в частности, доказывает и возможность употребления графемы *і* при эрративизации текста, набранного прописными см. *ПОТЕРЬ НіТ!* или *СВИНКИ ЦіЛі*, как видим, эрративная стилистика при таких заменах полностью превалирует над законами графики и орфографии.

Подобным макароническим переходом *о→і* обусловлена и наблюдающаяся эрративация немакаронического характера, заключающаяся в переходе *о→и,* например: *вильные рагули, тильки выиграли, НИТ!* и т. п. Здесь наблюдается попытка передачи представлений о фактах другого языка уже только при помощи русской кириллической графики, в отличие от ранее приведённых примеров, где для подобной эрративной имитации использовались графемы графики латинской в качестве имитации украинского расширения базовой кириллицы.

Ещё одним графическим процессом в области гласных, который активно происходит в анализируемом виде эрративации является квазиредуцирование: своеобразное преломление редукции, происходящей в живой разговорной речи, в пространстве печатного текста. В политическом эрративном дискурсе данный процесс выражается во взаимном переходе гласных друг в друга. Причём единственная закономерность, которая наблюдается в этом процессе – буквы, обозначающие гласные переднего ряда, переходят в буквы, обозначающие гласные аналогичного ряда. Тот же процесс наблюдается с буквами, обозначающими гласные непереднего ряда.

Наиболее продуктивными переходами являются *е→и* и *а→о.* Случаи обратного перехода *и→е* и *о→а* также фиксируются, но они не столь многочисленны.

Переход *е→и* – наиболее активный из на-

блюдаемых в рамках подобного дискурса переходов. Наблюдается преимущественно в случаях, если гласный, обозначаемый графемой, находится в безударной позиции, причём разделения на первую предударную, вторую предударную и заударную позиции при таком переходе не фиксируется. Например: *Вы всё врети!; Восим лет!* – переход в заударной позиции. *Ани же дитишки малые; Лахта дисант в треде; Амириканцы говорят…* – первый предударный слог. *Ряяядикаммунизация! Новости нипасредственна с мест…* – второй предударный слог. Примечательна проклитическая эрративная редукция частицы *не*, которая может писаться в рамках эрративной какографии как слитно, передавая единство фонетического слова: *Низабудим нипрастим!; Нинужны; Этанимы,* так и раздельно, отражая орфографическое написание фонетических слов: *Сваих ни бросаем.* Интересен процесс двойной эррativации, произошедший с лексемой *биндеровец – биндеровцы.* Первоначально данная единица появилась в качестве эрративного контамината антропонима Бандера и топонима Бендеры и фиксировалась ещё в 90-е годы XX века в форме *бендеровец – бендеровцы*, уже позднее, в XXI веке эрративныйконтаминат претерпел ещё одну замену гласного и стал употребляться и с буквой *и* в первом слоге.

Обратный переход *и→е* достаточно редок и фиксируется, в основном, как ни странно, в таком виде топонимов, как хоронимы – названия стран и государств, а также в производных от таких слов: *Из самой Германеи; Рассея и рассеянцы* и т. п. В последнем случае наблюдается эррativация ударного гласного, что достаточно редко, впрочем, эрратив *Рассея* фиксируется ещё в текстах XIX века. Тем не менее, как продуктивный метод эррativации такой переход фиксируется и помимо хоронимов и образованных от них этнонимов: *Хоспаде; Тількі выиграле; Весь мир с наме* и т. п. Возможны и пограничные случаи эррativации гласных в рамках политического дискурса, где переход *и→е* может рассматриваться в качестве макароническ ой имитации, о которой говорилось выше: *Доброговичиру мы з Укроины*.

Графическое отражение перехода *о→а* является фактом, наиболее приближенным к реальной речевой практике, поскольку этот процесс можно рассматривать в качестве передачи на письме русского процесса аканья, тем не менее, относить данный процесс исключительно к фонетическому письму неправомерно. Помимо пародийной передачи аканья в таких примерах как: *Сваих не бросаем!*; *аткройте гумкаридор тут жи детишки; Вот теперь точна; этанимы* и т. п. эрративный переход *о→а* в значительном количестве встреченных случаев функционирует именно в качестве эрративной передачи иноязычного (в подавляющем количестве случаев украинского) акцента. Такое функционирование подтверждается, в том числе, и эррativацией согласных, о чём речь пойдёт позднее, прежде всего, фрикативизацией заднеязычных: *дораха-бахата, хоспаде* и т. п.

Обратный эрративный переход *а→о* обусловлен уже не опосредованным эрративным отражением реальных звуковых процессов этнофолического характера, а является традиционным для эрративной практики. При этом многие лексемы, используемые в современном политическом эрративном дискурсе, были замечены ещё в момент первой фиксации эррativов как языкового феномена в середине нулевых годов XXI века: *фошызд, норот, мамо дорохая* и т. п.

Ещё одним процессом эррativации в области гласных, носящим чисто какографический характер и связанным с фонетикой лишь опосредованно, является гиперредуцирование, проявляемое прежде всего в монофтонгизации окончаний имён прилагательных и субстантиватов. В эрративной практике этнофолического характера наиболее продуктивными монофтонгизациями являются переходы *ий→е* и гораздо реже *ый→и.* Например: *па-рюске, рюзге свиньи, укроиньске нахрюк, укроинске воен.* Данный процесс – гиперредуцирование через монофтонгизацию окончаний фиксировался нами ранее в исследованиях классических эррativов, активных в течение первого десятилетия XXI века. Как видим, современная этнофолическая эррativация сохраняет с ними чёткую преемственность, по крайней мере, в рамках графико-фонетических процессов. Переход окончания имён прилагательных *ый→и* фиксируется лишь эпизодически, что не позволяет говорить о наличии какой-либо закономерности таких переходов. Например: *Добри день ми с украини*. Не исключено, что такая эррativация носит чисто макаронический характер и обусловлена имитацией украинской графики, где буква и читается как [ы].

Эрративная передача согласных в этнофолических целях также представлена несколькими процессами различной степени продуктивности. К ним относятся, прежде всего, гиперпалатализация, депалатализация, фрикативизация, сонаризация, плозивизация, гиперлабиализация, аффрикатизация и дейотизация. Таким образом, они вполне логично разделяются на две большие группы процессов: относящиеся к параметру твёрдости-мягкости и относящиеся к

параметрам места-способа образования.

К этнофолической эрративации параметра твёрдости-мягкости относятся два процесса: гиперпалатализация и депалатализация.

Гиперпалатализация – это обозначение мягкости там, где в нормативной графике буквы обозначают твёрдую фонему. Стилистический эффект достигается, прежде всего, за счёт имитации представлений среднего носителя языка о детской речи, как речи насыщенной именно палатализованными согласными (сравните с таким явлением, как «сюсюканье»). Цель такой эрративации очевидна: представить мнение оппонента как детский лепет, не несущий какой-либо информативной ценности.

Например: *Рюське языг*, *рюзге, Маськва, неть, дя, ниняда* и т. п.

Как видим, гиперпалатализация согласных может протекать как в положении перед гласными путём замены несмягчающей на смягчающую, так и перед согласными путём вставки после них мягкого знака.

Формально обратным процессом к гиперпалатализации является депалатализация – замена буквы, обозначающей мягкость согласного на обозначающую твёрдость. Стилистический эффект здесь, в основном, заключается в имитации украинской графики, при этом буква «є» меняется на «э», например: *видэо, понадусэ, пэрэмога.* Но наивное представление о структуре языка врага диктует расширение этого процесса и на депалатализацию иных согласных: *расщитат, восим лет, нахрук, хрукни* в том числе и с привлечением графических средств, отсутствующих в пародируемом языке: *йадыныыр, Воны там рубли ужэ уводят,* где для пародирования украинского акцента вводится отсутствующая в украинском алфавите графема «*ы*». Кстати, несовершенство графики, основанной на фонематическом принципе, для передачи чисто фонетических процессов не позволяет чётко определить, например, является ли обратный процесс замены *ы→и*, о котором уже упоминалось и который достаточно активен в интересующем нас в рамках данной статьи дискурсе, гиперпалатализацией или мы тут имеем дело именно с эрративной имитацией украинской орфографии, например: *ми умераем, хрууу!!!*

К процессам, связанным с этнофолической-эрративацией параметров места и способа образования относятся фрикативизация, сонаризация, плозивизация, гиперлабиализация, аффрикатизация и дейотизация.

Сонаризация – традиционный эрративный процесс, активный с середины нулевых годов, неоднократно описанный, в том числе и нами, заключается в замене букв, обозначающих звонкие шумные, на буквы, обозначающие парные им глухие. Например: *фошызд, рузге, мазгвичи, укроинзге* и т. п.

Тем не менее, этнофолическая эрративация имеет свои особенности, ранее не фиксировавшиеся в анализах эррativов или фиксировавшиеся, но несколько в иных видах.

К таким процессам относятся, прежде всего, процессы плозивизации и фрикативизации, а также смежный с ними процесс аффрикатизации.

Процесс плозивизации заключается в замене фрикативных согласных на согласные, совпадающие с ними по всем остальным параметрам, кроме способа образования, который у такой замены будет взрывным. Замена щелевого характера на взрывной наблюдается исключительно у заднеязычных и являет собой замену фрикативного *х* на *к*. Примечательно, что подобная замена (не имеющая ничего общего с реальными фонетическими процессами) протекает почти исключительно в собственно этнофолизмах, таких как *какол, каклятский, каклята* что позволяет говорить об этом процессе как о чисто этнофолической эрративации.

Фрикативизация как эрративный процесс является формально обратным плозивизации и заключается в замене буквы, обозначающей взрывную согласную фонему на букву, обозначающую фонему, сходную с ней по всем параметрам, но состоящую в оппозиции по признаку взрывность/фрикативность. Но, несмотря на такой формально противоположный характер, фрикативизация как этнофолическая эрративация семантически не оппозиционна и не антонимична плозивизации. Фрикативизация в сети, в основном, используется для отражения наивных представлений носителя языка о китайском акценте и служит для передачи мыслей, приписываемых в рамках картины мира наивного носителя (или в рамках представлений о такой картине мира) некоему усредненно-абстрактному китайцу. Например: *дисовый, халасо, сяй* и т. п. Вообще же имитация китайского акцента имеет достаточно прочную традицию, фиксируется в большом количестве текстов, как минимум, с начала XX века, имеет не только фонетические, но и грамматические особенности (прежде всего, имитация изолирующего языка средствами флективного) и заслуживает отдельного исследования.

Тем не менее, в рамках исследуемого дискурса фрикативизация также достаточно широко представлена и заключается, прежде всего, в переходе *г→х* как имитации звука [γ] – «г-фрикативного», характерного для украинского языка и южновеликорусских говоров. Напри-

мер: *пэрэмоха, харно, хоспаде, дохнивающий на Азовстали* и т. п.

Аффрикатизация состоит в замене графем, обозначающих фрикативные звуки графемами, обозначающими аффрикаты. Прежде всего, это касается замены буквы *с* на *ц*. Как и многие эрративные процессы графико-фонетического характера она напрямую не соотносится с передачей на письме особенностей устной речи, а близка к этнофолическому передразниванию речи того, кто считается врагом в картине мира носителя. К эрративным аффрикативам можно отнести такие образования, как, например: *Мацква, мацковьски, рюцке, руцке* и т. п.

Гиперлабиализация представляет собой достаточно сложный и поливекторный процесс, наблюдающийся в области графем, передающих как лабиализованные гласные, так и лабиадентальные согласные. С одной стороны, наблюдается взаимопереход *у↔в*, например: *кловн, довны* (от нормативного «дауны», возможно здесь и влияние англоязычного ‘down’) и *Алё уася, цееуропийцы, еуропейцы* и т. п. Примечательно, что переход *у→в* наблюдается почти только в препозиции к *н*, в то время как обратный переход *в→у* не имеет такого жёсткого лимита. Но гиперлабиализация может протекать и через диграфизацию исходного лабиализованного гласного, то есть как *у→ве*, например, *довен*, причём, данную эрративацию англоязычным воздействием не объяснить. Интересно, что в данном эрративе квазиредукционный переход *а→о* применяется к ударному гласному, то есть он явно не базируется на фонации, что весьма странным образом коррелирует с появлением интерконсонантного *е*, что, казалось бы, отражает особенности просторечного произношения. Кстати, эрративная замена через диграфизацию может протекать не только по модели *у→ве*, но и по модели *у→ва*: эррати*в клован* фиксировался ещё во второй половине нулевых и фиксируется до сих пор. Гиперлабиализация может быть и чисто макароническим явлением для передачи наивных представлений об ином языке или для передачи такой разновидности креольского языка, как суржик, например: *вышев на связь,* где наблюдается переход *л→в*.

Достаточно редко, но наблюдается такой традиционный для русской эрративной практики процесс, как дейотизация. Дейотизация представляет собой либо замену букв, обозначающих йотированные гласные на нейотированные буквы, например: «*Мясо то маэте или че уси в эвропу отдали?»,* либо выпадение на письме разделительного *ь*, в результате чего, согласно слоговому принципу русской графики, фонема *<j>* перестаёт обозначаться в данном слове. Например: *свиню, свиня* и т. п. Как видим, данный приём эрративации применяется исключительно в рамках этнофолической имитации языка врага, то есть от чисто игрового процесса второй половины нулевых это явление так же, как и многие другие эволюционировало в этнофолическое на макароническом базисе.

Выводы. Таким образом, эрративация в политическом дискурсе имеет определённые отличия от чисто игровой эрративации, характерной для первого появления этого явления в практике Непринуждённой Письменной Речи. Если в конце нулевых эрративация базировалась на интралингвистических ресурсах и была во многом инспирирована какографией, а иногда даже квалифицировалась как игровая какография, то эрративация как элемент политического дискурса начала двадцатых имеет отличный от неё характер. Во-первых, во многом она базируется не столько на какографии, сколько на макаронической передаче чужого наречия. При этом это наречие имеет заведомо негативную коннотацию и его изменение несёт функцию искажённой имитации – передразнивания языка того, кто в рамках картины мира носителя языка представлен в качестве врага. Таким образом, эрративация в политическом дискурсе представляет собой процесс, во многом формально базирующийся на интерлингвистическом явлении макаронизации. Вместе с тем, формально базирующаяся на макаронизмах эрративация имеет явно этнофолический характер, поскольку служит для выражения негативных эмоций по признаку национальной принадлежности.

Список источников

Барсегян С.С. Эрративные конструкты в условиях армянско-русского билингвизма // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 3-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/errativnye-konstrukty-v-usloviyah-armyansko-russkogo-bilingvizma (Дата обращения: 18.05.2022).

Бушев А.Б. Макаронический язык в современном российском социуме // Язык и культура. 2009. № 4 (8). С. 5-12.

Грищенко А.И., Николина Н.А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. Екатеринбург, 2006. С. 175-187.

Евстафьева А.В. Язык вражды в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистиче-

ские факторы функционирования: дисс. … канд. филол. наук. Тольятти, 2009.
Кочетков В.В. Намеренно ошибочные написания (эрративы) как факт языковой моды // Звезда среди вселенной: сборник памяти Людмилы Васильевны Сухановой. Шуя, 2020. С. 101-105.
Кочетков В.В., Соколов А.Н. Намеренно ошибочные написания в текстах А.Н. Островского // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 1321.
Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Земская Е.А. Москва: Флинта; Наука, 1983. 240 с.

References

Barseghyan S.S. Errative constructs in the conditions of Armenian-Russian bilingualism. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk = Actual problems of humanities and natural sciences*. 2017. No. 3-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/errativnye-konstrukty-v-usloviyah-armyansko-russkogo-bilingvizma (Date of application: 18.05.2022) (In Russ).
Bushev A.B. The Macaronic language in modern Russian society. *Yazyk i kul'tura = Language and culture*. 2009. No. 4 (8). Pp. 5-12. (In Russ).
Grishchenko A.I., Nikolina N.A. Expressive ethnonyms as signs of the language of enmity. In: The language of enmity and the language of consent in the socio-cultural context of modernity. Yekaterinburg, 2006. Pp. 175-187. (In Russ).
Evstafyeva A.V. The language of enmity in the mass media: linguistic and extralinguistic factors of functioning: diss. ... candidate of philology. Togliatti, 2009. (In Russ).
Kochetkov V.V. Intentionally erroneous spellings (erratives) as a fact of linguistic fashion // A star among the universe: a collection in memory of Lyudmila Vasilyevna Sukhanova. Shuya, 2020. Pp. 101-105. (In Russ).
Kochetkov V.V., Sokolov A.N. Intentionally erroneous spellings in the texts of A.N. Ostrovsky. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2014. No. 6. P. 1321. (In Russ).
Russian colloquial speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture / Ed. Zemskaya E.A. Moscow: Flint; Nauka, 1983. 240 p. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 19.05.2022; одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 05.12.2022.
The article was submitted 19.05.2022; approved after reviewing 20.06.2022; accepted for publication 05.12.2022.